

Записки арт-терапевта

Сергей Миронов

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Сергей Анатольевич Миронов

Записки арт-терапевта

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51864330

SelfPub; 2020

Аннотация

В рассказах Сергея Миронова есть все: юмор, сарказм, ирония, фэнтези и даже стёб. В армейском альбоме есть два эротических сна, и один сон патриотический – это и есть фэнтези. Все остальное, господа и дамы, читатели и читательницы, основано на событиях, пережитых автором лично. Желаю вам приятного чтения. Содержит нецензурную брань.

Содержание

от автора	4
танцуй, пока молодой	10
мой сосед наркодилер	26
роковой звонок	32
спонтанные мутации, или здравствуй, мамочка	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

от автора

Здоровья и счастья Вам, Дорогие Читатели и Читательницы! В моём сборнике рассказов есть всё необходимое, чтобы Вы не скучно провели время. Если литературу сравнить с кулинарией, то есть пищу духовную с пищей материальной, то для того, чтобы вкусовые сосочки вашего языка испытали оргазм, необходимо наличие сразу четырёх вкусов. Сладкого, кислого, горького и солёного. Вернее сказать, гармонич-

ное сочетание этих четырёх составляющих, включая бесконечное многообразие их оттенков. В рассказах, включённых в сборник «Записки Арт-терапевта», есть все необходимые ингредиенты, чтобы нейроны вашего головного мозга пришли в приятное возбуждение, получив целую гамму чувств и эмоций от прочитанного. Прежде всего есть юмор и жесть, любовь и нежность, фэнтэзи и стёб, чёрная магия и чудо исцеления, трагедия и фарс, криминал и эротика, шок и релакс. Все рассказы основаны на реальных событиях. Имена и места действия мной изменены. Кроме, разумеется, армейских снов. Сны есть сны. Они неуправляемы, а потому не могут быть полностью реалистичны. Но в них есть кураж, есть драйв, есть полный отрыв от скучной армейской реальности того времени, уход в другую, в мистическую реальность фэнтэзи. Для тех, кому уже порядочно надоело моё занудное вступление, предлагаю перейти от слов к делу, то есть непосредственно к познавательному чтению.

А для особо любопытных, я продолжу. По образованию я дизайнер, по профессии художник-педагог. Поэтому наличие у меня большой коллекции живописных работ, стимулировало моё желание показать их миру. Вот так я и оказался за границей с тремя десятками собственных живописных полотен. За время моего пребывания на родине великого Гёте в Германии, мою квартиру ограбили. Мечта всей моей тогдашней жизни – выставка моих живописных полотен в элитной галерее Людвига – сорвалась, несмотря на подпи-

санный контракт. Лучшие работы остались у немцев. В один момент большой, красивый, многоцветный объёмный мир рухнул, превратившись для меня в ностальгические осколки. Чтобы затем перейти в состояние ежедневного депрессивного плоского чёрно-белого кино. В главных ролях были три подруги: Боль, Отчаяние и Одиночество. Я превратился в Остров, где они жили. А начало всех моих несчастий, положил мой отказ стать мужем фрау Каррен, директора Zommer Akademy в небольшом немецком городе Саарбрюкене, расположенном на юге Германии. Своими пухлыми ухоженными ручками она собственноручно разорвала контракт с галереей Людвиг, перечеркнув десять лет моей работы над холстами Ограбленная квартира казалась чёрной берлогой, из которой почему-то не хотелось никуда выходить. Полный пофигизм и безразличие к окружающему миру, стали моими близкими и обожаемыми друзьями, на тот момент. Мне понадобился год, чтобы победить депрессию без лекарств и даже помочь выздороветь другим людям, по интуитивно разработанной мной методике. Четыре рассказа в сборнике дают яркое представление о возможностях исцеления при помощи арт-терапевтического метода. Это рассказы «Роковой звонок», «Вонючка Чёрный плащ», «Большая обида маленькой Оливии» и «Негритянская мадонна». Диплом Арт-терапевта, полученный мной в 2019 году, даёт мне реальную возможность помогать людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию. Последние двадцать

пять лет своей сознательной жизни я работал и как дизайнер, и как художник- педагог. В прошлом году попал под сокращение как педагог, преподаватель ИЗО Государственного художественного колледжа. Была возможность устроиться в коммерческий художественный вуз. Но неожиданно захотелось расставить новые приоритеты, переосмыслив прожитый отрезок жизни. Слово в литературе более пластично и более выразительно, чем мазок в живописи. Есть вещи, о которых можно рассказать словами, но никогда не передать цветом. Поэтому предлагаемый сборник рассказов, в первую очередь для моей души, имеет исцеляющий, оздоровительный аспект. Назову это проза-терапией. Наблюдая за студентками, пережившими издевательства и унижения в семье и уже самостоятельных взрослых женщин, чьё детство было омрачено подобными событиями, я пришёл к неутешительным выводам. Боль не растворяется с годами, а лишь усугубляется и множится, негативно влияя на последующие семейные отношения, карьеру и здоровье включительно. Подтачивая и разрушая эту триаду. Затем нашёл подтверждение собственных выводов в специальной литературе. Приём химических препаратов боль блокирует, но не убирает. Человек временно перестаёт её чувствовать, на время забывая о её присутствии в собственном теле. При активации тела боли как отдельно живущего организма в физическом теле человека я присутствовал неоднократно. Зрелище не для слабонервных. Причём не помогают ни йога, ни рейки, ни ду-

ховные практики, ни международные сертификаты, ни приговоры, ни заговоры.

Избавление от тела боли, от депрессии, от суицидального настроения без лекарств реально возможно, по моей авторской методике. Для тех, кто хочет избавиться от многолетних страданий, предлагаю после прочтения сборника, связаться со мной по электронному адресу: serzh-mironov-54@mail.ru и вкратце изложить суть проблемы. Затем кинуть эсэмэску на номер: 8-915-973-08-69, чтобы я заглянул на почту. В том случае если я пойму, что реально смогу Вам помочь, то выхожу на связь и мы оговариваем стоимость услуги. Цена договорная, комфортная для обеих сторон. Общение по скайпу. Один-два-три сеанса в неделю, с обязательным выполнением домашнего задания. Длина одного сеанса 45 минут. Длительность курса -от двух недель до двух месяцев. При генетической предрасположенности длительность сеансов может быть увеличена. Если ваше владение рисунком и живописью осталось на уровне пятилетнего ребёнка, этого более чем достаточно для арт-терапии. Прежде всего ценится искренность самовыражения, а не правильность изображаемого объекта. Главное и основное это огромное желание победить свой недуг. Захотеть перестать жить в пространстве боли и страданий, ссылаясь на карму, бога, плохих родителей, происки дьявола и разного рода обстоятельства. Желаю Всем моим Читателям здоровья, процветания и удачи.

Автор: Член Творческого Объединения Художников Рос-

сии и Московского Союза Литераторов: Миронов Сергей
Анатольевич танцуй, пока молодой

танцуй, пока молодой

– Вы могли бы убить,.. убить человека? Могли бы?..

Вопрос, заданный пожилым священником, застал меня врасплох. Батюшка был худощав, с козлиной бородкой и редкими кудельками седых волос, обрамлявших его лысину. Аромат ладана отступал перед тяжёлым смрадом, исходившим из его рта. Лыдинки его строгих глаз вопрошали: «Вы это мне?.. Вы ошибаетесь... Никогда. Подумайте, молодой человек, подумайте! Вам будет полезно задуматься на эту тему». Он был старше лет на 25-30. Почти задохнувшись от смрада, зажимая нос, я сбежал из храма, прервав исповедь.

Здание церкви, выстроенное из красного кирпича, потемневшего от времени, было не очень старым, но уже нуждалось в ремонте. По периметру валялись выкрошившиеся из стен храма кирпичи, чем-то напоминая съеденные кариесом остатки зубов священника. Крошево из грязно-серой известки, мелькавшее кое-где между выпавшими кирпичами, напоминало перхоть, обсыпавшую рясу священника по плечам, спине и спереди под бородой.

Извилистая тропинка, окаймлявшая пруды, навсегда уводила меня от места, где не оправдались мои надежды. Надежды на поддержку каких-то невидимых высших сил, надежды получить откровения, новое понимание себя и, может быть, даже озарение, которого в тайне ожидал, – всё это не оправдалось.

Последняя неделя октября выдалась теплее обычного. Обманутая неожиданным теплом, кое-где проглядывала молодая зелень. Близость воды успокаивала меня, а посетившие

меня мысли давали робкую уверенность на новое направление в творчестве. Сорокалетний московский художник, переехавший из центра в спальный район, получил за свою комнату в коммуналке двухкомнатную квартиру на окраине.

Всё это мне неожиданно вспомнилось вот при каких обстоятельствах.

Я стоял посередине собственной пятиметровой кухни, с занесённым над головой моей гражданской жены Валерии увесистым табуретом, произведённым на белорусской мебельной фабрике в городе Ровно. Меня душила ярость, затопившая мой мозг, отключив систему безопасности. Ещё секунду и могло случиться непоправимое.

Вот тут я и вспомнил глаза-льдинки, старый храм возле пруда и рот священника со съеденными зубами, и слова, сказанные этим ртом: «Вы могли бы убить,.. убить человека?» Значит, это он меня остановил и уберёг от убийства. Или что-то через него.

Моя десятидневная работа валялась на кафельном полу. Сам стол был опрокинут, краски и дорогие колонковые кисточки валялись чуть поодаль, спрятавшись под батарею. Холст был просто выбит из моих рук, как только я попросил её подождать минут пять-десять, пока закончу. Бешенство мутной волной затопило мне голову, заставив занести над Лериной головой табурет.

После истеричного крика: «Хватит зря протирать штаны!» – она перешла к боевым действиям, последствия ко-

торых я описал выше. Её всю трясло, плечи непонятно двигались, цвет и мимика лица менялись ежесекундно, порождая гримасы. Брови напоминали подбитую чайку, бившуюся в конвульсиях. Момент истины наступил, когда наши глаза встретились. Я вдруг увидел ужас в её глазах и одновременно нашу сцену со стороны, и стал смеяться, опустив тяжёлый табурет на пол. Сквозь слёзы стала смеяться и Валерия. «Достигнув точки максимального кипения – гнева, остановитесь, осознайте её, и Ваш Яд тут же превратится в Мёд» (это сказал один мудрейший индийский святой – Ошо), – что собственно и произошло, прямо у нас на глазах.

Лера торговала на рынке весь день, а вечером ей нужна была разрядка. Придя домой и поев, она садилась напротив меня и требовала внимания. То есть я должен был оторваться от любого на тот момент важного или не очень занятия и слушать, смотря ей в глаза. Дальше она начинала нести ахинею, бред сумасшедшей кликуши или джибириш. Джибириш – английское слово, означающее тарабарщину. Почти всегда этот вербальный сель, изливающийся из её рта, отнимал один час моего времени, а заодно подъедал меня энергетически, даже если я пытался отключиться от него. Поэтому вылив всё содержимое на мою голову, Лера перезагружалась. Я же какое-то время был не в своей тарелке и страдал, пытаясь стереть весь этот бред из собственной памяти. Вытирая слёзы, она размазала тушь и стала похожа на маленькую девочку с измазанным лицом. Я засмеялся и прижал её

к себе, слушая как бешено колотится её сердце.

Немного успокоившись, она сказала:

– Слушай, тут позвонил Нарвал. Сказал, что они с Ситой открыли дискотеку на Третьяковке, там недалеко в институте почвоведения «Дискотека в Почве» – вот как это теперь называется.

– Поехали потанцуем, – виноватым голосом сказала Лера.

– Поехали, – сказал я, – но больше так не делай.

Было по-прежнему тепло. Ветер, не наигравшись за день, сдувая неубранную листву с газона, гнал её вдоль по тротуарам московских улиц. Шуршал, изредка касаясь бордюра, скручивая в замысловатые змейки и спирали созревшую на солнце бурую листву. Чем ближе мы подходили к месту, тем выше поднимался градус нашего настроения.

Купив билеты в фойе, не раздеваясь, стали подниматься на верхний этаж. Стены вдоль лестницы на верхний этаж были украшены портретами седовласых и бородатых мужей-почвоведов. Погружённые в высшие материи бытия, они не замечали спешащих молодых и не очень молодых людей, торопливо поднимавшихся по лестнице вверх.

Вынесенные кресла из конференц-зала, мирно паслись вдоль стен в коридоре. Пятиметровые занавеси из коричневого плюша свисали с потолка, погружая освободившееся пространство зала в мягкую обволакивающую полутьму. Светильники чуть тлели, испуская мягкий янтарный свет. Вместе со светильниками тлели зажжённые индийские па-

лочки. Их пряный восточный аромат добавлял почти телесную плотность окружающему нас пространству. Он был откровенно эротичен и одновременно женственен. Сюда же был добавлен нежный амбре привнесённого парфюма прекрасной половиной человечества.

Народ уходил в отрыв под приятный инструментал, с каждым новым танцем меняющий свой ритм и интонацию, давая отдых моему перегруженному нерешёнными проблемами сознанию.

Была вторая половина девяностых. Процессы, происшедшие в стране, казались необратимыми и наводили на грустные мысли о канувшем в лету былом величии державы. В центре зала выделялся молодой, с хорошо развитым торсом, парень. Это был мажор, подъезжавший на чёрном «Митцубиши Паджеро» ко входу почвенного института, паркуясь чуть поодаль от него. Он долго не задерживался на «дискатуре», уводя в салон дорогой машины очередную поклонницу его мускулистого торса. Молодые ребята попроще довольствовались малым – оставшимися креслами за плюшевыми занавесками. Как говорится, что Бог послал. А Бог посылал замечательное чувство, так безнадёжно осуждаемое всеми церквями мира. Созданные по образу и подобию Божьему, молодые представители рода человеческого, наслаждались телесным общением, прямо за занавесками, словно в саду Эдема. Покидая этот тесный уголок Рая, ещё не остывшие от пережитого ими чувства, с блеском и одновре-

менно благодарностью в глазах друг друга.

Наше совместное посещение по субботам «дискатуры пролетариата», по меткому выражению моего питерского знакомого, стало ритуальным. Наступавшее охлаждение чувств было взаимным, но не мешало совместным поездкам в почвенный институт.

Спаситель появился как всегда неожиданно. Это был московский режиссёр-документалист Виктор Буркало. Он только что развёлся с женой и Валерия, с его точки зрения, как никакая другая женщина лучше всего подходила для роли его новой Музы. Наличие всего одной почки не мешало ему сексапильно выглядеть и, судя по всему, быть мачо в постеле.

У Гарсия Маркеса все женщины-сэкси источали запах дыма, исходивший из их подмышек, привлекавший мужчин. Мне почему-то представляется сильный запах дыма исходящий из штанов Виктора Буркало, при наличии у него второй почки. Всюду, где он появлялся, срабатывали бы датчики пожарной безопасности, и сильно пахло бы жжёной проводкой.

Не зная о нашем взаимном охлаждении с Валерией, Виктор видимо ожидал что-то вроде битвы двух самцов за сердце, понравившейся ему самки. Поэтому, чтобы как-то загладить мою, якобы потерю, он стал сватать мне свою бывшую супругу.

– Она работает в Сбербанке, занимает приличный пост, богата. Советую заняться ею, сэр, – вещал Спаситель.

– Благодарю Вас, сэр, я должен всё обдумать и тщательно взвесить, стоит ли игра свеч, – отвечал я, на память цитируя советского разведчика.

Его не смутила беременность своей новой пассии. Он тут же оплатил аборт, после которого его новая Муза, забрав свои вещи, впорхнула в его уютную и хорошо меблированную квартиру.

Оставшись один в опустевшей, плохо меблированной собственной квартире, я наконец-то выдохнул. То есть задышал полной грудью. Горькую чашу, которую я лишь пригубил, Спасителю пришлось испить до дна, лишившись изрядной доли жилплощади, доставшейся ему после смерти родителей. В списке Лериных побед я был далеко не первый, но и не последний, как выяснилось позднее.

С её слов, приехав из подмосковного Фрязина, она осела в Малаховке, в доме своего первого мужа. Обладая способностью к ясновиденью и повышенной энергетикой, вместе с мужем, они быстро организовали свой бизнес. Убедившись в незаурядных способностях своей супруги, муж быстренько поставил это дело на поток, даже ассистируя в некоторых особенно сложных случаях. Дела пошли в гору, болезных на Руси не перечесть. О молодой паре писала местная газета «Вестник Подмосковья».

Но однажды, вылечив от сильной хвори одного загадочного бизнесмена, чьё энергетическое поле было почти везде чёрным (он должен был вскорости умереть), она лиши-

лась ровно половины своего природного дара, став обычной смертной. Её способность приносить исцеление нездоровым людям закончилась. Бизнес пришлось свернуть. Не знаю, поняла она или нет, но вылечив бизнесмена с чёрной энергетикой, она нарушила существовавший энергетический баланс в природе. Болезнь посылается в осознание, за совершённые неблагоприятные поступки. Осознав их, человек, как правило, выздоравливает и перестаёт их совершать. Но очень часто, понимание приходит припозднившись, когда уже букет новых болячек наложился на первоначальное заболевание.

Очень скоро развалились и семейные скрепы Леры, державшиеся исключительно на её утерянном целительском даре.

Познакомил меня с Валерией некто Ян, внешне очень эффектный и энергичный молодой парень, с красивой гривой каштановых волос, перетянутых сзади резинкой. Ян очень быстро понял, что целительство в России – прибыльный и не очень затратный для собственного здоровья бизнес. Владея лечебным массажем, хорошо поставленной дикцией и причёской а-ля Чингангук Петрович, он легко добивался своей цели, покоряя клиентов и клиенток своей псевдо открытостью и псевдо искренностью.

С Лерой он познакомился на почве целительства, но не найдя глубинных точек соприкосновения, решил передать её мне, как переходящий вымпел, так сказать. Поиск точек соприкосновения конечно был, но ожидания обоих не оправда-

лись. Иначе, почему Лера вдруг разоткровенничалась, откинувшись на подушку, разгорячённая после нашего совместного творческого акта?

– Ты знаешь, Янику слабо против тебя, дорогой.

– Слабо, так слабо, – подумал я.

А вслух сказал:

– Ты просто не его женщина.

Ян, живший в той же Малаховке неподалёку от Леры, однажды позвонил, сказав, что есть одна свободная девчонка, которая ищет художника для занятий творчеством. Прежде чем заняться творчеством на бумаге мы занялись им в постели. Вот так Лера стала моей гражданской женой, так как её успехи в постельном творчестве явно опережали робкие попытки найти себя в стихии художественного творчества.

Тем не менее, она смогла поступить и закончить московский художественный колледж. Правда, три дипломных графических листа пришлось сделать мне. Лера вдруг стала нервничать, с каждым днём всё больше и больше теряя веру в себя. Но всё обошлось, и заветная корочка осела в Лериной сумочке, среди прочих документов. В этот же колледж, через много лет поступлю и я, но не в качестве студента, а как педагог. Какие же счастливые годы я проведу в этом колледже, я тогда ещё не знал.

Но повествование о приехавшей из провинции девушки Леры ещё не закончилось. Ибо, прежде чем появился однопочечный Спаситель Виктор Буркало, Лера успела завести

роман с Прощельгой Сладкозвучным. Черноволосый, худощавый, гладко бритый алкаш, обвёл героиню нашей повести Леру вокруг пальца на раз-два-три.

Мой отказ в её просьбе подарить ей всего лишь одну комнату в моей маленькой двухкомнатной квартире, толкнул её на решительные действия. Безрезультатно простояв на коленях минут тридцать, она умоляла меня совершить эту глупость.

– Ты должен это сделать! – артистично давя на жалость, сквозь обильные слёзы говорила Лера.

История умалчивает, как она оказалась в апартаментах гостиницы «Россия» в объятых Сладкозвучного Прощельги. Всю ночь он пел майским соловьём в уши доверчивой провинциалки. Оказывается, он крупный бизнесмен, владелец строящегося Большого коттеджа из двадцати двух комнат, с четырьмя ванными и четырьмя туалетами. А пока он снимает номер в отеле – положение, как говорится, обязывает. Предупредив меня, что останется ночевать у подруги, Лера исчезла на ночь. Впервые за три года я остался один в пустой квартире. Я ещё не мог понять то новое чувство, охватившее меня. Вдруг я понял – исчезло напряжение, царившее последние месяцы.

На следующий день её было не узнать. Таинственная улыбка Джоконды весь вечер не сходила с её похорошевшего и помолодевшего лица. В тайне она уже готовилась к переезду. Соловей из гостиницы «Россия», малый птах, отъезд

запланировал на весну. Потеряв осторожность, Лера невзначай залетела.

Декабрь был неожиданно морозный и снежный. Ледяной, пронизывающий до костей ветер, высокие сугробы вдоль домов и пешеходных тропинок торопили зябнущих москвичей в тепло, в уют. Но именно с уютом у меня был напряг после переезда из центра в спальный район. В старые, плохо подогнанные деревянные рамы вкрадчиво проникал холод, мерзко завывая по ночам. Несмотря на то, что дом был кооперативным, его строили не профессионалы-строители, а солдаты-стройбатовцы. Поэтому сантиметровые щели между бетонными плитами и кривые полы были допустимой нормой.

Ремонт две тысячи гринов, оставшихся от продажи комнаты в центре, я лишь наполовину закрыл тему. То есть кое-где, пол стал ровнее, покрывшись плиткой, а стены, обклеенные ковролином, теплее. Но на новые пластиковые окна денег не хватило.

Полупустой холодильник не внушал оптимизма, также как и отсутствие частных заказов. А маячивший на горизонте Новый год явно был некстати на тот момент. Моя, более чем скромная зарплата художника-педагога, в интернате для детей сирот, давно нуждалась в прибавке. Но лишних часов у меня не было. Да их и не предвиделось. Вторая половина девяностых – тяжёлое время. Правда, иногда раздавали помощь из Европы. Мне достались итальянские консервы – томатный суп. Очень вкусный и необычный.

Тайна джокондовской улыбки вскоре была раскрыта. Поделившись своими планами о скором отъезде, Лера потребовала предоставить ей возможность принимать своего богатого кавалера у нас дома. Скрепя сердцем, я вынужден был согласиться.

Владелец заводов, газет и пароходов, обескуражил меня, заявившись в тридцатиградусный мороз в летних лаковых ботинках, в осеннем лёгком пальто и с деликатесами в пакете. Прочитав мой недоумённый взгляд, он сказал, что добирался на такси, поэтому и не замёрз. Меня, доморощенный Мачо, почему-то сразу стал неуважительно называть Соседом. То, что никакого коттеджа у него нет, не было и никогда не будет, я понял сразу. Он видимо понял, что я его раскусил и борзел как мог, разыгрывая карту калифа на час. Лера, загипнотизированная его сказками, играла роль будущей владелицы 22-комнатного замка, построенного на зыбучих песках своего разыгравшегося воображения. Она специально купила дорогое постельное бельё, вообразив себе начавшийся медовый месяц. Её потеплевший взгляд, обращённый к Прощельге, грациозная походка и даже иногда совместное покуривание, говорили лишь о том, что в мыслях она уже поднялась на пару ступенек повыше, причислив себя к элите. Пара уединялась в спальне, а рано утром он исчезал, оставляя после себя запах недорогих сигарет и мужского пота.

Я молча терпел и ждал развязки. Ждать пришлось недолго. Факир исчез, как только бумажный индикатор показал

Лере, что она беременна. Тайна Прощельги-факира раскрылась, как только я оказался в фойе гостиницы, где Птах работал жалким экспедитором по доставке алкоголя. Денег для своей возлюбленной у него не было. У него их вообще не было. Натравив на меня охранников, он тут же свалил. Его деликатесы, которыми он так понтил передо мной, были всего лишь жалкими остатками после банкетов, часто проходивших в отеле. Скорее всего, он тибрил их у официанток из холодильника, или они ему давали из жалости не только деликатесы, но и себя в придачу.

Спрятавшись за спины охранников, он не без удовольствия наблюдал за моей беспомощностью хоть как-то повлиять на ситуацию. Бросившись на него с кулаками, я был сначала остановлен секьюрити, а затем с позором выпровожен из отеля. Демонстративно куря в окружении трёх охранников, оставаясь внутри здания, он показывал мне свою защищённость сквозь стёкла гостиницы. Приехав расстроенный домой, я поделился с Лерой полученной информацией, спросил её о дальнейших планах.

– Сегодня суббота – поехали на танцы, у меня есть как минимум ещё три дня.

И вот тут на сцене появляется Спаситель – Виктор Буркало, на тот момент очень даже состоятельный, несколько взъерошенный произошедшим разводом и озадаченный лишь одним горячим желанием – найти новую Музу. В нём бурлила энергия человека, отсидевшего приличный срок в

невидимых застенках и вышедшего, наконец, на свободу, человека, только что избавившегося от сковывающих и давно изживших себя отношений. Как известно, свято место пусто не бывает.

Беременной Лере неожиданно выпал джекпот. Оказавшись в нужное время в нужном месте, взяв ситуацию в свои руки, Буркало оплатил клинику, избавив мир от потенциального нежданчика, которых и так хватает на необъятных просторах нашей родины.

Двигаясь по инерции, оказавшись между двумя мужиками, Лера нуждалась в корректировке своих жизненных планов. Владелец летних лаковых туфель в зимнюю стужу, всё ещё продолжал волновать её женское сердце. Приложив максимум усилий, она всё-таки разыскала 22-комнатный коттедж, так покоровивший её разыгравшееся воображение. Правда владельцем его оказался старший брат Прощелыги, бандюга и бизнесмен одновременно. Собственность Российского Птаха была более чем скромной. Две спортивные сумки с одеждой – вот и всё, господа. Это было Зеро, леди и джентельмены, или полный ноль, в переводе на русский.

Расставшись на два десятилетия, мы вновь пересеклись в переходе московского метрополитена. Возможно какая-то недосказанность была у нас обоих, поэтому не раздумывая долго, я решил пригласить Леру к себе, наперёд зная, что она развелась с Буркало и находится в свободном полёте.

Все мои иллюзии развеялись очень быстро, как только Лера открыла рот. Ночное недержание мочи по-научному называется энурез. Видимо вербальное недержание имеет ту же этимологию. Три с половиной часа не прекращающейся болтовни, точнее сказать женской трескотни, заставили меня сильно пожалеть о состоявшейся встрече.

Выглядела Лера великолепно, рождение дочери явно пошло ей на пользу. Но ради этого минутного заключения, вряд ли стоило подвергать себя вербальной атаке. Лера была хронофаг. Она поедала чужое время, как поднятые с пола бутерброды поедает голодный бомж. Собеседник ей был нужен формально. Если бы у моего холодильника LG были только уши, он ей тоже подошёл бы как слушатель.

Лет эдак через 15–20, когда роботы-помощники будут доступны всем желающим, Лера обязательно приобретёт одного на пробу, в качестве собеседника. Но постарев, скорее всего, удлинится время вербального выхлопа. Может пару-тройку месяцев бедняга робот и протянет, а затем, сунув два металлических пальца в розетку, покончит с собой. В по-смертной записке будет всего два слова: «Заманала, блин!..»

мой сосед наркоторек

Ко всему прочему, квартира, в которую я переехал, обменяв комнату в центре на двушку в спальном районе, была разграблена в моё отсутствие.

Моя последняя поездка в Дойче Фатерлянд не принесла ожидаемых дивидендов, а известие об ограблении добило и разозлило меня. Так что, оказавшись в холодной ограбленной квартире, без милых сердцу аудио и видео игрушек, я отчаянно загрустил. Мысленно прокручивая плёнку прошедших событий в обратном порядке, я вспомнил эпизод, приведший к ограблению.

Покупая валюту перед отъездом, я был замечен своим соседом по лестничной клетке в открытом, незащищённом стенами обменнике.

У меня не было ни тени сомнения, что это сделал именно он, но никаких доказательств на его счёт у меня тоже не было. Приторговывая наркотой, он был связан с криминалом, да и с крышей видимо было всё в порядке. В этом мне пришлось убедиться самому, придя в ближайшее ко мне отделение милиции.

Счастливым обладателем избыточного веса и нездорового румянца, капитан МВД, назвав мои доводы крайне неубедительными, отказался принять у меня искомое заявление.

Пристально посмотрев мне в лицо, задал вопрос, навсе-

гда отбивший у меня охоту обращаться к местным силовым структурам:

– А мы не встречались с Вами по какому-либо другому делу, гражданин Миронов?

– Нет, – сказал я, поняв, что бой проигран ещё не начавшись.

Моя знакомая, бывшая гражданская жена Валерия, обладавшая незаурядными экстрасенсорными способностями, подтвердила мои догадки, в точности описав моего соседа, а заодно,

и его подельника, жившего неподалёку.

– Причём твой магнитофон у него дома, и он сейчас смотрит твой видак! – сказала она.

Смелости ворваться в его квартиру у меня на тот момент не было совсем, да и желания продолжать борьбу за возврат похищенных духовных ценностей тоже.

Сосед, построив свой заработок на человеческой слабости и безволии, процветал. Начав свой бизнес в девяностые, к началу двухтысячных он приобрёл однокомнатную квартиру в другом районе, где он частенько пропадал, заведя любовницу, наезжая в семейную однушку на серебристой новенькой иномарке лишь изредка. Шли годы. Его машины меняли свой цвет, меняли свой класс. Однажды он опять вернулся в свою семью, к невзрачного вида жёнушке, с таким потёртым от долгого употребления лицом, напоминающим затёртую до неузнаваемости денежную купюру непонятного до-

стоинства, и к плюгавенькой дочуре, которая, несмотря на свою молодость, быстрыми темпами догоняла свою мамочку, по какой-то серости, от полного отсутствия интеллекта и безликости.

Лет семь назад, он нашёл меня в саду под окном, решив поделиться со мной страшной новостью. Новость действительно была невесёлой, правда, смотря для кого.

Лицо его периодически дёргалось от нервной судороги, а кисти рук, держащих косяк, ходили ходуном. То, что это была не обычная сигарета, а так всеми любимый косячок, особенно героями американских блокбастеров, я определил по запаху, да и по внешнему виду тоже. Это была самокрутка.

– Понимаешь, только сейчас прочитал в газете: «Найдены два трупа с изуродованными до неузнаваемости лицами. Сброшены с поезда».

Название пункта «А» и пункта «Б», между которыми были найдены эти трупы, я не запомнил. Супружеская пара наркокурьеров, маскирующаяся под музыкантов, не довезла свой товар до моего соседа.

– Их убили и выбросили из поезда, как бешеных собак, – сказал сосед с неподдельным гневом и горечью в голосе, обращаясь ко мне в надежде на сочувствие.

Нервный тик попеременно обоих глаз, опущенные вниз концы губ, – все признаки внутреннего смятения налицо.

– Всё, что ты умел в этой жизни – это торговать медленной смертью, в надежде, что тебя никогда не коснутся проблемы

обычных честных людей, – подумал я.

– Хочешь пыхнуть? – участливо спросил он.

Я отказался. Вдруг, словно очнувшись и поняв, что наболтал лишнего, он, увидев, как я запираю металлический подвальныйчик под лоджией, где я хранил различные материалы и вещи, сказал:

– Ну что, товарищ художник, сдать тебя ментам что-ли?! – гадливо ухмыляясь полувопросительно, полуутвердительно прогнусавил сосед.

Неожиданный поворот в разговоре меня не застал врасплох.

– Есть кому сдавать? – спросил я.

Он кивнул.

– Ну, так сдавай! Только результат будет нулевой. Я – член Союза художников России, мне дополнительная площадь положена по закону.

– Это мы ещё посмотрим, – сказал он, докуривая косяк.

– Я же не наркоту здесь храню, а художественный инвентарь, – сказал я с тихой издёвкой в голосе.

Нервный тик то правого, то левого глаза выдавал его внутреннее состояние, а было оно хреновей хренового, то есть охренительное, я бы даже сказал охрененное!

На какое-то время он пропал, а когда появился, было видно, что он тяжело болен. По его измождённому страдающему лицу, я понял, что конец его не за горами.

– Анализы очень плохие, – собираясь раскурить косячок,

сказал он. – Придётся в платную клинику лечь. Говорят, что починят. Мани у меня есть. Думаю, хватит, – неуверенно, чуть слышно прошептал сосед.

Починить его так и не успели. Два долговязых медбрата вынесли его поганое тело вперёд ногами на носилках, в окружении нашей доблестной милиции, спустя неделю после нашего диалога. Тело было накрыто белой простынёй, погружено на тележку и сразу же проглочено большим реанимационным автомобилем, стоящим у подъезда.

Милиционер, в чине капитана, о чём-то переговорив в сторонке с главным медбратом, занёс какие-то данные в свой планшет, затем многозначительно почесав репу, отбыл, сев в машину с мигалкой.

Спустя месяц после потери кормильца, исчезли его жена и плюгавая дочура. Квартира теперь меняла жильцов, как проститутка меняет своих клиентов. Раз в несколько месяцев в подъезд заходили незнакомые супружеские пары разных возрастов и разных национальностей, чьи финансовые возможности позволяли съём жилья в столице. Словно заботливая пчела, копошащаяся в чреве цветка, раз в месяц в чрево квартиры заглядывал и наш участковый, то ли проверить документы у жильцов, то ли «отщепнуть» себе немножко нектара в виде небольшой прибавки к жалованью. Его долговязая фигура была неоднократно замечена в вечернем дефиле вдоль нашего сдвоенного дома. Хозяйским взглядом, осматривающим освещённые окна, выходящие на школьный двор,

его обострённый к чужому нектару нюх требовал подтверждения в виде интуитивного озарения. Кто ещё мог бы сдавать квартиру нелегально, не оформив грамотно документы?! Но, не владея дедуктивным методом мистера Холмса, он вынужден был довольствоваться малым, – то есть положенной ему государственной зарплатой.

РОКОВОЙ ЗВОНОК

– Как?! Ты ничего не знаешь?! Весь наш Творческий Союз

меня обсуждает! – она окинула меня оценивающим взглядом женщины жаждущей общения.

Мы пересеклись в районе Кутузовского проспекта, взглядом, среди празднично одетой толпы. Начало марта, снег таял, оставляя соляные разводы на обуви, рождая смутные надежды на что-то светлое, радостное и праздничное. Плечи сами собой раскрывались, давая возможность втянуть в лёгкие этот опьяняющий коктейль, так щедро разлитый повсюду.

С крыш капало.

– Приглашаю, здесь недалеко. Ты сам всё поймёшь, когда увидишь.

Я знал, что она удачно вышла замуж за дипломатического сыночка, перебравшись после свадьбы в пятикомнатные апартаменты. Он был значительно ниже её, сантиметров на двадцать, но её это нисколечко не смущало. Стройная, фигуристая, с каштановыми волосами до плеч, метр девяносто ростом, Галочка Марецкая давно мечтала взобраться, если не на самый верх, то повыше окружавших её подружек и молодых институтских парней, побаивавшихся исходящей от неё энергетики, её высокого роста и рационального мужского ума, отмечающего всю романтику.

Они встретились на новогоднем карнавале, где она быстренько отбила его у двух тощих немков, работавших у него в подчинении в отделе международной логистики. Выпив публично на брудершафт, с горячим придыханием, щекоча кон-

чиком язычка ушную раковину своего будущего мужа, она сказала:

– Милый, кожа моих маленьких пяточек такая нежная, что если ты закроешь глаза, а я тебя ими поглажу по щеке, то ты не сможешь отличить их касание от ласк моих рук, – и предложила убедиться на практике.

У мужика снесло крышу.

Через восемь месяцев в валютном роддоме «гора» родила мышь. Ребёнок женского пола оказался хилым и недоношенным, но милым и очень тихим. Дочку назвали Катей, в честь бабушки, которая изливала на ребёнка всю свою оставшуюся нежность и любовь.

Да и свёкор, измученный подагрой пожилой красавец, тоже всё чаще светился тихим счастьем, беря на руки маленький тёплый комочек, излучающий бесконечное доверие к окружающему его миру.

Европейские тренажёры, витаминные препараты, массажисты и лучшие педиатры Москвы помогали формированию и взрослению этого маленького комочка, превратившегося за два с половиной года в молчаливую и очень скромную девочку, с глазами, излучающими тихую светлую радость.

Войдя в квартиру и избавившись от верхней одежды и обуви, мы прошли в столовую. Пока мы шли по коридору, я боковым зрением смог подсмотреть обстановку соседних комнат. Всюду европейская мебель, стерильная чистота гостиничного номера и острое ощущение покинутости.

– Куда все делись? – подумал я, но спрашивать не стал, боясь нарушить хрупкий баланс больничной тишины и покоя, разлитый в воздухе.

Яркое мартовское солнце напоследок посылало тёплые лучи гаснущего дня, смело нарушавшие оттенок официальности в неожиданно возникшей паузе.

В глазах моей спутницы заиграли весенние чёртики. На столе появились два бокала с французским вином и две чашечки крепкого кофе, сваренного по-турецки. В качестве закуски – зелень с ломтиками брынзы.

Изящные женские сигариллы с золотым ободком, недокуренные и погашенные наспех, с грустью ожидали своей незавидной участи в серебряной пепельнице в виде морского рапана.

Затянувшись изящной безделицей, взятой из начатой пачки, и пристально глядя в мои глаза, откинувшись на спинку стула, чуть дрогнувшим хрипловатым голосом она промолвила:

«В один день я узнала, что такое настоящий человеческий ужас. Даже нет, скорее нечеловеческий, а животный... Меня размазало, размазало так, что на какое-то время я превратилась в амёбу одноклеточную»...

Будучи Нарциссом по своей природе, она подолгу любовалась собой перед зеркалом, предварительно скинув одежду. Её всё устраивало, за исключением отсутствия дорогих украшений и дорогого белья на её прелестном и таком лю-

бимом теле.

Дольче Габбана, Гуччи, Версаче, Пако Рабан, Валентино – имена великих мировых кутюрье, одно перечисление которых производило эффект индийской мантры и отрывало её от земли, унося в мир грёз и эротических фантазий.

Замужество подарило ей возможность материализовать свои мечты в виде золотых украшений и фирменных тряпок. Где-то в глубине души она понимала, что не любит мужа, но всегда щедро дарила ему иллюзию этого глубокого, всепоглощающего чувства в виде суррогата эротических сцен, подсмотренных в голливудских блокбастерах. Ей очень нравилось воплощать свои фэнтези в скучную, пусть даже очень сытую, реальность бытия.

Она купала дочь, когда раздался тот роковой, изменивший всю её жизнь, звонок её институтской подруги. Наскоро смыв шампунь «Джонсонс бэби» с кудрявых волос дочери, она попросила её подождать минутку и пошла в переднюю, где на журнальном столике, рядом с уютным креслом, стоял телефон. Мобильников тогда ещё не было.

Рядом была начатая пачка её любимых сигарилл с золотым ободком у основания и терпким запахом, дарящим одновременно ощущение комфорта, релакса и предвкушения приключений.

Её материнский инстинкт неожиданно дал сбой. Произошёл провал во времени, когда протрепавшись семь, а то и все десять минут, она не обнаружила дочери, войдя в ванну.

На секунду ей показалось, что Катька прячется от неё где-то в соседних комнатах, может быть голая и обиженная, ревнуя её к разговору с подругой.

Взяв в руки большое небесно-голубое, привезённое из Парижа махровое полотенце, она направилась в соседнюю комнату.

Мысль о том, что нигде не было отпечатков мокрых Катиных ножек, заставила её впасть в ступор и стала медленно, медленно проникать в её ещё заполненный диалогами с подругой мозг.

Ужас как шар в боулинге, выпущенный безжалостной рукой рока, сминал и рушил все внутренние, такие милые и устоявшиеся, конструкции её новой состоятельной обеспеченной, с уже отлаженным алгоритмом комфорта жизни. Страх стал заполнять образовавшуюся пустоту внутреннего пространства её холёного, изнеженного тела.

На одно мгновение ей показалось, что вокруг неё и внутри её телесной оболочки всё замерло – просто выключили звук и откачали воздух из окружающего её пространства, а такое любимое и обожаемое её тело, полностью лишённое веса, тряпичной куклой летит в бездну.

Она вдруг отчётливо поняла, что её маленькая тихая дочка Катя лежит на дне ванны под густой пеной американского шампуня «Джонсонс бэби».

Эта мысль взорвала и вынесла ей мозг. Став на колени перед ванной, она стала просить прощенье, заливаясь слезами

и лихорадочно шаря в мыльной пене, не решаясь опустить руки чуть глубже.

Наконец, набравшись смелости и опустив руки глубже в воду, она вздрогнула, коснувшись головы своей утонувшей дочери.

Подвывая и лязгая зубами, она вынула мёртвую Катю из воды, взяла её на руки, прижала к груди и не понимая, что делать дальше, замерла, не сводя глаз с уснувшей навеки дочери.

Струйки уже остывшей воды, прохладным водопадом омывающие низ живота, бёдра и ноги, постепенно затихая, перешли в капель, чья скорость и частота вскоре поменяли свой ритм на редко падающие капли.

Конфигурация лужи вокруг Галиных ног стала отдалённо напоминать силуэт сбитого и раздавленного на асфальте голубя.

Мысли, ещё не так давно молнией взрывавшие ей мозг, теперь начинали вязнуть и висеть, в виде отдельных слов или фраз, не выстраивающихся в логическую смысловую цепочку.

Безумие, отключив работу нейронов мозга и включив программу автопилота, передало рычаги управления телесной памяти.

Инстинктивно двигаясь в сторону детской, Галя машинально напевала колыбельную, вернее, пыталась её напевать, издавая звуки, отдалённо напоминающие мычание глухоне-

МЫХ.

Встав в дверном проёме Катиной комнаты, опираясь центром спины о дверной косяк, словно лишившись сил, Галя медленно, не выпуская из рук окоченевшее тело своего ребёнка, сползала на пол.

Опустившись на колени, Галя стала продвигаться в сторону уютной маленькой кровати у окна, продолжая прижимать, спящую вечным сном дочь. Неожиданно, перевернувшись на спину, она положила её себе на грудь и стала разглаживать влажными пальцами её спутавшиеся волосы.

Вся её материнская сущность до конца отказывалась принимать вынесенный ей самим существованием приговор.

– За что мне эта боль, эта мука, за что?!

Катина кровать была низкой, поэтому Гале не составило труда, прижимая левой рукой остывшее тело дочери к своей груди, правой разобрать кровать, откинув одеяло.

Уложив в постель мёртвую дочь и накрыв до подбородка одеялом, она вспомнила, как ещё вчера она читала ей на ночь сказку об Иване Царевиче и Василисе Прекрасной.

– Поцелуй меня, мамочка, – засыпая, еле слышно попросила Катя. – Я люблю тебя, – беззвучно одними губами прошептала дочь.

Галя не помнила как, покинув детскую, оказалась в коридоре. Шатаясь, она дошла до мастерской.

Её незаконченный поясной автопортрет встретил у порога самодовольной улыбкой успешной и самовлюблённой жен-

щины, раздающей бесплатные советы направо и налево своим, менее удачливым в семейных делах, подругам.

Собственно, именно такой она и была всего несколько минут назад. Гале показалось, что прошла целая вечность, с тех пор, как она последний раз бралась за кисть.

– Ну что, сука, довыёживалась?! – сказала она, подходя к автопортрету и грозя ему кулаком. Ей захотелось взять на кухне нож и разрезать холст в лоскуты, а затем с остервенением топтать его ногами, разломав подрамник. Орать и выть, выть и орать!

На какой-то миг ей стало легче. Её как будто отпустило. Машинально закурив, Галя подошла к окну.

Ад, царивший в её душе, заканчивался прямо за оконным стеклом. Мелкий мартовский снежок сыпался с небес. Влюблённая пара обнималась в окне напротив, неподвижно застыв в поцелуе. Дети на площадке играли в войнушку.

– Падай, ты убита! – кричал маленький мальчик своей подруге. Та не раздумывая, грохнулась в сугроб, раскинув руки.

Галя вдруг вспомнила, как сама играла с мальчишками в войну. Она также падала в сугроб, закрыв глаза и раскинув руки, растворяясь во внутренней темноте. Открыв глаза, она любовалась синевой неба и плывущими вдаль облаками, словно сказочными кораблями, зовущими на край света.

Теперь она знала, что делать. Надо просто убить себя, но убить понарошку, как в детстве. Упасть в эту черноту, чтобы

затем, открыв глаза, ожить.

Обмакнув кисть в чёрную краску, и держа её как пистолет, она приблизилась к холсту. Закрыв глаза, представила себя с оружием в руке, ощутив холод металла под левой грудью.

На какой-то момент, неуправляемая энергия, разрывающая на отдельные фрагменты её тело и мозг, сконцентрировалась в руке, держащей пистолет. Тяжесть металла и шероховатость диагональной насечки на рукоятке дарили ощущение влитости в кисть правой руки. Указательный палец начал медленно взводить ударный механизм.

Нажав на курок, Галина, оглушённая выстрелом, упала возле мольберта, потеряв сознание. Там её и нашли, с кисточкой в правой руке и нарисованным на холсте под левой грудью пулевым отверстием.

Любопытства ради, я подошёл к холсту, чтобы лучше рассмотреть это изображение. Необъяснимый, нарушающий все физические законы, аудио эффект, обдав меня потусторонним холодом, заставил мои волосы на голове шевелиться.

Ощущение было такое, будто воздух с шумом засасывался в маленькое пятимиллиметровое пулевое отверстие, нарисованное художницей, обманувшей свою судьбу.

Вернувшись к столу, я стал медленно допивать кофе, чередуя его с французским вином.

– А куда муж делся? – спросил я.

– Запил, загулял, – задумавшись, после паузы, сказала она. – Я разведена, не волнуйся никто не придёт. Мы одни.

Может, выпьем на брудершафт? – загасив в пепельнице окурок и подняв бокал, Галя открыто глядела мне в лицо, ожидая ответной реакции.

Откуда у меня этот озноб, эти мурашки и стойкое нежелание целовать эти голодные до нежностей губы. Эта полуулыбка, прикус нижней губы, это напряжённое тело тигрицы, готовое в любой момент взять своё.

– А где его старики? – спросил я, чтобы разрядить обстановку.

– Умерли, – последовал её ответ после паузы.

Серая тень, пробежав по её красивому лицу, спряталась в уголках губ, исказив их гримасой.

– Через две недели после похорон Кати. Оба в один день. Они её очень любили.

Попав в цепкие объятия воспоминаний, Галя утратила ко мне прежний интерес. Сославшись на слабость после перенесённого гриппа, я откланялся.

Оказавшись на улице, смешавшись с толпой, я, наконец, вернул себе радость бытия, покинувшую меня во время прошедшей встречи.

Потрясающую радость обычного московского вечера, украшенного яркими гирляндами фонарей города, ждущего настоящую весну, ждущего праздник.

Просто жить, просто дышать, просто любить. Радоваться каждому дню, каждому часу, каждому мгновению ускользающей жизни.

**СПОНТАННЫЕ МУТАЦИИ,
или здравствуй, мамочка**

Её эротичный смех сотрясал всё её пышное холёное немецкое тело. Она смеялась не только губами. Смех, словно невидимый мячик, перекатывался под свободного кроя платьем, заражая и одновременно заряжая окружающий её мир энергией праздника.

– Дым! – весело сказала она по-русски, докуривая тонкую дамскую сигарету.

Познакомьтесь, это фрау Карен – директор Зоммер Академии в немецком городке на юге Германии. Её веселило наше присутствие у неё в Академии. Два взрослых русских парня, два художника, два близнеца, два северных варвара не знакомых с европейской культурой. Её идея посетить кинотеатр для гомосексуалов, вызвала живейший интерес у меня и у брата. Её просветительская деятельность на всю жизнь останется в нашей памяти. Узнав по телефону расписание сеансов, она решила не торопиться и предложила сначала посетить итальянское кафе-мороженое, расположенное недалеко от очага «голубой» культуры.

Конец июня. Жара. Вай нот?! – А почему бы и нет?! Едем на иномарке с открытым верхом. От стоянки идём пешком, полные радужных надежд. Вдруг, словно рядом взорвалась шумовая граната, раздалась отборная площадная брань, русский мат из поганого рта худенькой неряшливо одетой молодой мамыши. Пятилетний пацанчик, веткой ткнув крупного коричневого жука, бегущего в сторону газона по асфальту, получил от него в отместку жгучей струёй в левый глаз. Сто-

ило ли из-за этой мелочи оглашать нецензурной бранью родную кровинушку? Кругом ведь так прекрасно, господа!

Чудный цветочный запах флоксов долетел до нас с клумбы, окружавшей стеклянную ротонду итальянского кафе, пока мы двигались в её направлении. Жара отступила, как только мы оказались внутри стеклянного купола и стеклянных стен. Прохлада и уют, вот всё, что нам с братом было нужно на тот момент. Карен попросила занять столик, что мы тут же и сделали. Пока она ворковала с кудрявым красавцем, заказывая всем троим мороженое, четыре здоровенные немки-пенсионерки, сидящие неподалёку, ревниво наблюдали за её действиями. Прилетевшая большая серая муха, севшая на край салфетницы в центре столика, запах флоксов и истеричный русский мат заставили моё сознание улететь в далёкое прошлое, в безоблачное пионерское детство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.